

Александрова В. Ранняя любовь Чехова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1949.
27 февраля. № 13456. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Ранняя любовь Чехова

Только сейчас дошедший до нас новый сборник «А. Чехов в воспоминаниях современников», изданный Гос. изд. художественной литературы (Москва, 1947), поставил себе особую цель: из обширной литературы, посвященной Чехову, выделить и собрать воедино ту часть воспоминаний, которая достоверно подтверждает материал о жизни великого писателя.

Наряду с более известными воспоминаниями М. Горького, В. Короленко, К. Станиславского, О. Книппер — Чеховой и др., в сборник включены впервые печатаемые полностью — мемуары Н. Телешова, Т. Щепкиной — Куперник, А. Н. Лескова. Есть и новые публикации. К ним относятся «Из воспоминаний о Чехове» художника — декоратора Московского «Художественного Театра» В. А. Симона, «Воспоминание о Чехове» известного неуролога проф. Г. И. Россолимо, одновременно с Чеховым слушавшего лекции на медицинском факультете Московского университета.

К числу новых публикаций надо отнести и воспоминания писательницы Л. А. Авилловой «А. П. Чехов в моей жизни»; небольшая часть их была в свое время напечатана в «Русских Ведомостях» в 1910 г.

Воспоминания Авилловой стоят в сборнике несколько особняком. В сущности это не столько воспоминания, сколько автобиографическая повесть писательницы. Но хотя центральное место в ней занимает рассказ о личном переживании автора, Авилловой удалось донести до читателей что то новое и свежее из жизни и творчества Чехова более раннего и менее известного периода.

Сам, оставленный Авилловой в русской литературе, на первый взгляд, сегодня имея ее больше знают по письмам к ней Чехова. Но воспоминания ее не забудутся. Они написаны просто, искренне, без всякой рисовки, в них разлита особая теплота по-настоящему пережитого. Авиллова не только не скрывает от читателей своих недостатков — это свойственно многим мемуаристам; она не скрывает от них и того, в чем особенно трудно признаться каждому: что от природы человек она средний, что чувство к Чехову, хотя оно и заняло большое место в ее жизни, было ей не под силу. Временами кажется, что еще и после смерти Чехова, Авиллова обращается к читателям с просьбой, чтобы они помогли ей развязать узелки ее жизни, сказали ей: правильно ли она поступила...

Знакомство Л. А. Авилловой с Чеховым относится к началу 1889 года, когда Чехов приехал в Петербург. Старшая сестра Авилловой была замужем за редактором — издателем «Петербургской газеты» С. Худековым. В этой газете Чеховым было напечатано немало юмористических рассказов. Первые его вещи часто печатались без имени автора, позже он стал их подписывать «Чехонте». Как то в конце января 1889 года сестра прислала Авилловой записку, чтобы она немедленно пришла, так как у них в гостях Чехов. Зять Авилловой представил ее, шуточно назвав ее «девицей Флорой» и своей «воспитанницей», хотя Авиллова к этому времени была уже замужем и имела ребенка. Сама начинающая писательница, Авиллова сразу отметила, что глаза у Чехова «точно с прищипкой». Приехал Чехов в Петербург чтобы поставить в театре свою пьесу «Иванов».

За ужином, на котором присутствовало много литераторов, Чехов сидел рядом с Авилловой. Она поспешно объяснила ему, что она вовсе не девица Флора, а мать семейства и сама кормит своего мальчика. Чехов вдруг нагнулся к ней, заглянул глаза и сказал: «У вас сын? Да? Как это хорошо». Авиллова тут же догадалась, как трудно иногда бывает объяснить и уловить

случившееся. «Да в сущности ничего и не случилось. Мы просто взглянули близко в глаза друг другу. Но как это было много. У меня в душе точно взорвалась и ярко, радостно, с ликованием, с восторгом извивалась ракета. Я ничуть не сомневалась, что с Антоном Павловичем случилось то же, и мы глядели друг на друга удивленные и обрадованные». Чехов попросил в следующую встречу, чтобы Авиллова принесла ему показать свои рассказы.

Но эта следующая встреча состоялась только через три года. К этому времени у Авилловой было уже трое детей. Несмотря на подспудно жившее чувство, «семейное счастье» ее окрепло и муж как то в шутку сказал ей: «Ну, что, мать! Пришилили тебе хвост? Шутка эта касалась прежних планов Авилловой посвятить себя литературе. Редактор «Русской Мысли» Гольцев, ознакомившись с рассказами писательницы, требовал от нее большей работы. Но дети и семья поглощали все время.

Вторая встреча Авилловой с Чеховым произошла в январе 1892 года на праздновании 25-летия «Петербургской газеты». Неожиданно в этом праздновании принял участие и Чехов, пришедший на вечер с Сувориным. Чехова хотели усадить со знаменитостями, но он отстоял себя и уселся с Авилловой за отдельный столик. У обоих было чувство, что они продолжают беседу, прерванную три года назад: «А не кажется вам, что когда мы встретились с вами три года назад, мы не познакомились, а нашли друг друга после долгой разлуки? — спросил Чехов. Авиллова подтвердила это. Чехова это не удивило: «Конечно, да. Такое чувство может быть только измученное. Но я испытал его в первый раз и не мог забыть. Чувство давней близости. И мне странно, что я все-таки мало знаю о вас, а вы — обо мне».

Но и на этот раз встреча была как то оборвана. Пришел муж Авилловой. Писательница познакомила его с Чеховым. Вышло натянуто. При существовавшие на юбилее литераторы заметили интерес Чехова к Авилловой и стали подтрунивать. Дома Авиллову ждало объяснение с мужем. Какой то сплетник донес мужу, будто кутивший в ресторане Чехов рассказывал о своем намерении увести Авиллову и добиться развода. Она была ошеломлена и угнетена. Началась переписка с Чеховым. В новом издании «Переписки Чехова» имеется 31 письмо Чехова к Авилловой. Ее письма были после смерти Чехова по желанию Авилловой возвращены ей.

Несмотря на то, что после второй встречи Чехов сказал, что никогда больше не приедет в Петербург, они встретились вновь в доме Худековых. Чехов очень настойчиво спрашивал Авиллову: счастлива ли она. Хотя она уверяла, что счастлива, читателям, тем более Чехову, ясно, сколько боли и сожаления скрывается за фасадом этого «семейного счастья»: «Не быть мне ни писательницей, ни... Да, ничем не быть. Покоряться обстоятельствам, мириться, уничтожаться... И скоро, очень скоро я покорюсь, уничтожусь...»

Чехов сказал горячо, что это результат ненормальности нашей русской семьи и что против этого надо восстать, как против «перекрутки». Уговаривал Авиллову написать повесть, но написать ее непременно и искренне и правдиво, тогда она поможет не только себе, но и многим другим и прибавил задумчиво: «Если бы я женился, я бы предложил жене... Вообразите, я бы предложил ей не жить вместе. Чтобы не было ни халатов, ни этой... распушенности... и возмутительной бесцеремонности». Их беседа была прервана: муж Авилловой при слухе заней горничную, так как заболел один из детей. Все

встречи с Чеховым выходили у Авилловой как то «комом».

В промежутке между редкими встречами они переписывались. Чехов был строгим критиком. Некоторые замечания Чехова приведены в Воспоминаниях: «Вы талантливый человек, — писал Чехов Авилловой в феврале 1895 года, — но вы отяжелели, илч выражаясь вульгарно, отсырели и принадлежите уже к разряду сырых литераторов. Язык у вас изысканный, как у стариков. Для чего вам понадобилось ошупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность, точное дело идет о сюжете, илч мебели (нужно плотность, а не прочность)...»

Особенно интересен один эпизод, рассказанный Авилловой и связанный с «Чайкой». Однажды Авиллова анонимно по слала Чехову в брелок, на одной стороне которого были выгравированы слова: «Повести и рассказы Чехова», а на оборотной: «Стран. 267, стр. 6 и 1.» Если найти эти строки в книге, можно было прочесть: «Если тебе когда нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее». Хотя брелок был доставлен на дежнем человеком. Чехов догадался от кого подарок, но никак не откликнулся на него. Авиллова мучилась, грустила, «жить надо было без него... И вдруг, когда она уж внутренне примирилась с этим выводом, пришел ответ. Это было на масленицу. У писательницы гостил ее брат из Москвы. Как то вечером он заявил, что не для этого приехал в Петербург, чтобы скучать и уговаривать сестру поехать на маскарад в театре Суворина. Какое было удивление Авилловой, когда среди изюбок она без труда узнала Чехова.

В этот раз Чехов приехал в Петербург на премьеру «Чайки». Разговор с Авилловой велся так, будто Чехов не узнал кто скрывается за маской. Он спросил маску, будет ли она на представлении и попросил ее быть внимательной к тому, что будет говорить на сцене: «Я тебе отвечу со сцены. Но только будь внимательна. Не забудь». Но каждый раз, когда

Авилловой хотелось попытаться, узнал ли ее Чехов, тот давал уклончивый ответ. Настал день премьеры «Чайки». История ее провала хорошо известна по многим воспоминаниям. И тем не менее в описании этого страшного в жизни Чехова вечера у Авилловой есть тоже кое что новое.

Авиллова все никак не могла понять, каким образом она может услышать «ответ» со сцены. Загадка скоро объяснилась, когда на сцене появилась «Чайка» и стала прощаться с Тригорным. Протянула медальон и прибавила: на одной стороне выгравированы инициалы, а с другой — название его книги. Разглядывая подарок, Тригорин перевернул медальон и прочел: страница 121, строка 11 и 12». Цифры были другие, чем те, которые были выгравированы на брелке. Но это был действительно ответ.

Авиллова разыскивала Чехова, но скоро развеялся слух, что автор в страшном расстройстве покинул театр и уехал в Москву. Потрясенная случившимся, Авиллова вернулась домой. При всем этом она не забывала улучшить момент, чтобы разыскать страницу и строчки. В полном недоумении отыскала названные строчки: это было недоразумение — обрывок из монолога Нины. Только ночью писательнице осенило, что указанные строчки ей надо искать не в произведениях Чехова, а в своей книжке рассказов. Она встала, прокралась в кабинет и отыскала томик своих рассказов «Счастливец». На указанной странице между 11 и 12 строчкой она прочитала: «Молодым девицам бывать в маскарадах не полагается...»

В последний раз Авиллова видела с Чеховым на вокзале, когда отправлялась на дачу к сестре. Чехов пришел на вокзал, познакомился со всеми детьми Авилловой, сразу их поцеловал. Он уговаривал ее остаться один день в Москве, чтобы вместе посмотреть «Чайку», которую Художественный театр ставил специально для Чехова 1-го мая 1899 года. Но Авиллова не могла, так как ехала на дачу с детьми, няней и боной...

Некоторые подробности, освещающие эту раннюю любовь Чехова, можно найти в его рассказе «О любви», впервые напечатанном в августовской книжке «Русской Мысли» 1898 г.

В. Александрова